

А. С. Икрянникова

**ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА —
СОУЧАСТНИКА КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ГОРОДОВ ВОЛГОГРАДА И ВОЛЖСКОГО)**

В статье рассмотрены теоретические положения о личности преступника, определены понятие, структура личности соучастника коррупционного преступления, на основе изученных материалов архивных уголовных дел рассматриваются его социально значимые свойства и составляется обобщенный криминологический портрет.

Ключевые слова: коррупционное преступление, личность преступника, соучастник коррупционного преступления.

A. S. Ikryannikova

**CONCEPT AND STRUCTURE OF CRIMINAL PERSONALITY
OF THE ACCOMPLICE IN A CORRUPTION CRIME
(BASED ON THE CASE MATERIALS OF VOLGOGRAD AND VOLZHISKY)**

The author focuses on the theoretical aspects of criminal personality, determines the concept and structure of personality of the accomplice in a corruption crime, analyzes his socially significant qualities and draws up his general criminological portrait on the basis of the studied criminal files.

Keywords: corruption crime, criminal personality, criminal, accomplice in a corruption crime.

Проблема изучения личности преступника — одна из основных в криминологической науке. Выявленные особенности личности позволяют уяснить субъективные причины и условия совершения преступления, определить степень общественной опасности деяния и назначить справедливое наказание. «Криминологическое изучение личности преступника осуществляется главным образом для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение, в целях его профилактики» [1, с. 152].

Проблема личности преступника в криминологической науке исследуется как в общетеоретическом, так и в прикладном аспектах. Общетеоретическое исследование личности преступника осуществляется главным образом для выявления и оценки ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение, в целях профилактики такого поведения.

Прикладной аспект исследования личности преступника служит для определения и оценки

особенностей совершенных деяний. В частности, это характерно для исследуемых нами коррупционных преступлений, где преступник, совершая коррупционные деяния, использует свои профессиональные знания, навыки, служебные полномочия, авторитет занимаемой должности. Данные аспекты должны учитываться при организации и проведении профилактической работы в наиболее коррумпированных сферах или органах (например, здравоохранения, образования, органах государственной власти или местного самоуправления, правоохранительных органах).

В теории отечественной криминологии личности преступника посвящено много фундаментальных работ [2], но, тем не менее, имеют место спорные суждения по тем или иным аспектам данной проблемы. Речь идет прежде всего об определении понятия личности преступника. Как показывает анализ работ криминологов, личность преступника до настоящего времени

понимается неоднозначно.

Согласно одной точке зрения личность преступника определяется как личность человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовной ответственности [3, с. 262].

Сторонники другой позиции считают, что в основу определения личности преступника положены ее особенности, взгляды, признаки, значимые для ее изучения. Давая общее определение, они рассматривают личность преступника как «совокупность ее социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение» [4, с. 80], «совокупность криминологически значимых свойств человека, обусловивших совершение им преступления» [5, с. 25]. В развернутой дефиниции личность преступника трактуют как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [6, с. 16].

В соответствии с третьей точкой зрения личность преступника — это «система социально-психологических свойств (качественных характеристик индивида), которые сформировались в процессе социализации и детерминировали выбор преступного способа удовлетворения своих потребностей, что повлекло совершение преступления» [7, с. 103—104].

Анализ данных концепций показывает, что в первой из них личность преступника рассматривается через призму уголовного закона, во второй (при общем определении) указываются социально значимые свойства, влияющие на преступное поведение в сочетании с внешними условиями (ситуацией), а в развернутой дефиниции — уже перечисляются группы свойств, оказывающие влияние на преступное поведение индивида. Что же касается третьей позиции, то здесь совокупность социальных

свойств личности не перечисляется, но указывается, что они (т. е. данные свойства личности) обусловили выбор преступного способа удовлетворения ее потребностей, а значит, и совершение самого преступления.

Рассуждая о личности коррупционного преступника, следует отметить, что в отечественной криминологии под ней понимают совокупность социально значимых свойств личности, образовавшихся в процессе ее общественной либо государственной деятельности (опыта социального управления) и обуславливающих использование ею для достижения личных, групповых или корпоративных целей средств, порицаемых с позиции уголовного закона [8, с. 103].

Данное определение личности коррупционного преступника может быть применимо к личности преступника-коррупционера, совершающего коррупционное деяние единолично или при так называемом «простом соучастии» в виде соисполнительства. При совершении коррупционного преступления в «сложном соучастии», где, например, одно лицо является исполнителем, а другое выступает в качестве иного соучастника (организатор, подстрекатель, пособник), или же при посредничестве во взяточничестве (ст. 291.1 УК), данное определение коррупционного преступника применимо лишь в отношении личности соучастника, являющегося специальным субъектом. Что же касается личности иных соучастников преступления (организатор, подстрекатель, пособник), или же посредника во взяточничестве, то они, на наш взгляд, не охватываются приведенным понятием, так как эти соучастники могут и не заниматься управленческой деятельностью.

Представляется, что под *личностью преступника, совершившего в соучастии коррупционное деяние*, можно понимать совокупность сформировавшихся в процессе социализации социально значимых нравственных свойств и психологических особенностей личности, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) в зависимости от отведенной роли на коррупционное поведение для

достижения общих корыстных и (или) престижных (статусных) целей.

В данном определении, которое не претендует на бесспорность, основной акцент сделан на совокупности социально значимых нравственных свойств и психологических особенностей личности, изучив которые, можно составить обобщенный портрет соучастника коррупционного преступления.

При этом особое внимание при изучении личности преступника-соучастника должно обращаться, с одной стороны, на психологические аспекты соучастия в преступлении, с другой — на роль лица, выполнение тех или иных функций в конкретном преступлении, совершаемом как при сложном соучастии, так и при соисполнительстве.

В отношении структуры личности преступника в криминологической науке существуют различные мнения.

В частности, Н. Ф. Кузнецова выделяет социально-демографические, социально-ролевые и другие свойства личности преступника [9, с. 58—64]. Она выделяет отдельно только два вида свойств личности преступника: социально-демографические и социально-ролевые, а все остальные относит к другим свойствам личности преступника.

По мнению А. И. Алексеева, в структуре личности преступника следует рассматривать следующие элементы: 1) социально-демографические признаки; 2) уголовно-правовые признаки; 3) нравственные свойства и психологические особенности. К первой группе элементов структуры личности преступника он относит пол, возраст, социальное, семейное и должностное положение, профессиональную принадлежность, уровень материальной обеспеченности, наличие или отсутствие постоянного места жительства и др. [10, с. 82—83].

А. И. Долгова отмечает, что в криминологии типично выделение шести групп признаков личности преступника: 1) социально-демографические признаки; 2) уголовно-правовые признаки; 3) социальные проявления в разных сферах жизнедеятельности, или социальные связи; 4) нравственные свойства; 5) психологические

признаки; 6) физические (биологические) характеристики. В работах других авторов (Ю. М. Антонян, П. С. Дагель, Н. С. Лейкина, А. Б. Сахаров, Б. С. Волков) данные признаки называются в тех или иных сочетаниях [11, с. 336]. А. И. Долгова называет отдельно от социально-демографических признаков социальные проявления в разных сферах жизнедеятельности, или социальные связи, а также физические (биологические) характеристики.

Е. Б. Кургузкина предлагает следующую структуру личности преступника: уровень низшего порядка (социально-демографические признаки), конституционные свойства, нейродинамические свойства, психологическую характеристику, самосознание личности преступника [12, с. 347]. Она относит социально-демографические признаки к уровню низшего порядка.

Для определения обобщенного криминологического портрета соучастника коррупционного преступления позиция А. И. Алексеева представляется предпочтительной. Во-первых, он рассматривает социально-демографические признаки личности в более широком плане, и, во-вторых, социально-демографические признаки, с одной стороны, выражаются в социальных связях, а с другой — проявляются в различных сферах жизнедеятельности. Кроме того, физические (биологические) характеристики, к которым относятся пол, возраст, состояние здоровья и т. д. соучастника коррупционного преступления, следует, на наш взгляд, рассматривать именно в группе социально-демографических признаков. Это обусловливается тем, что данные характеристики идентифицируют конкретную личность.

Источниками изучения личности преступника, совершившего коррупционное преступление в соучастии, наряду со статистическими данными правоохранительных органов, результатами опроса лиц, отбывающих наказание, работников правоохранительных органов являются и материалы уголовных дел, в которых содержится определенная информация о лицах, совершивших данные деяния.

Автором по специально разработанной анкете

выборочно изучены 55 уголовных дел, рассмотренных Волгоградским областным судом, Волжским городским судом и районными судами г. Волгограда за период 2002—2011 гг. в отношении 119 осужденных за коррупционные преступления, совершенные в соучастии [13].

Изучение и анализ данных уголовных дел в отношении названной категории осужденных свидетельствует о том, что 101 мужчина совершил коррупционное преступление в соучастии, что составляет 84,9 %, женщин-соучастниц данных деяний оказалось 18 или 15,1 %.

Таким образом, количество мужчин-соучастников коррупционных преступлений составило почти три четверти от общего количества соучастников коррупционных преступлений.

Наиболее криминогенной возрастной группой, совершившей данные коррупционные преступления в соучастии, оказалась группа, включающая в себя лиц в возрасте от 40 до 50 лет — 52 человека, что составило 43,7 %. Менее криминализированными оказались возрастные группы от 30 до 40 лет — 45 человек, или 37,8 %, более 50 лет — 15 (12,6 %) человек, и в возрасте от 20 до 30 лет — 7 (5,9 %) человек. В возрасте до 20 лет соучастников коррупционных преступлений не установлено. Средний возраст среднестатистического соучастника коррупционного преступления составил 39,5 лет.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что основной удельный вес соучастников коррупционных преступлений приходится на возрастные группы от 40 до 50 лет — 43,7 % и от 30 до 40 лет — 37,8 %, что в сумме равно 81,5 %. Это объясняется тем, что на данные возрастные группы приходится пик социальной и деловой активности. Что же касается двух последних групп, то их удельный вес незначителен, и это в основном лица, не являющиеся специальными субъектами и совершающие исследуемые преступления при так называемом «сложном соучастии».

Самый высокий уровень образования установлен у соучастников коррупционных преступлений, имеющих высшее, неполное высшее и среднее специальное образование в

количестве 69, 7 и 35 человек, что равно соответственно 59,7 %, 5,9 % и 29,4 %.

Более 60 % лиц, совершивших коррупционные преступления в соучастии, имели высшее или неполное высшее образование. Однако данное обстоятельство не было антикриминогенным фактором — скорее, наоборот, образовательный уровень использовался виновными в антиобщественных целях.

Низкий уровень образования (среднее общее или начальное профессиональное образование) по материалам исследованных уголовных дел установлен у 8 осужденных или у 6,7 %.

Все осужденные, имеющие среднее специальное, среднее общее или начальное профессиональное образование, находились на должностях младшего начальствующего состава органов внутренних дел, среднего медицинского персонала, вспомогательного состава учебных заведений, осуществляли деятельность на уровне среднего звена коммерческих организаций или в ряде случаев были пенсионерами.

По своему семейному положению 96 (80,7 %) человек состояли в браке, 17 (14,3 %) — не имели семьи или ранее расторгли брачные отношения, 6 (5 %) оказались вдовыми.

Анализ уголовных дел показал, что более двух третей соучастников коррупционных преступлений находились в брачных отношениях.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что соучастниками коррупционных преступлений выступают преимущественно мужчины (наверное, это связано с тем, что они по сравнению с женщинами в большей мере участвуют в социальном управлении) в возрасте социальной и деловой активности, имеющие высокий уровень образования (высшее, неполное высшее или среднее специальное образование) и состоящие в браке.

В отношении данных, характеризующих личность соучастников коррупционных преступлений, положительные характеристики с места работы и места жительства оказались у 91 (76,5 %),

неполные характеристики у 8 (6,7 %) и отрицательные у 20 (16,8 %) осужденных.

Отрицательные характеристики давались в основном лицам, не обладающим высоким социальным статусом, относящимся к общим субъектам, совершившим коррупционные преступления при так называемом «сложном соучастии» (пособники и подстрекатели).

Что же касается неполных характеристик, то это относится к характеристикам, полученным с места жительства, где в основном содержались биографические данные, сведения о месте жительства, времени проживания по конкретному адресу и т. п. Значительная часть положительных характеристик дана по прежнему месту работы данных лиц.

Для исследования личности коррупционного преступника-соучастника имеет значение и такой показатель, как рецидив совершения преступлений. Среди рассматриваемой категории коррупционных преступников-соучастников ранее привлекались к уголовной ответственности 5 человек, что составляет всего 4,2 %, а не имели судимости 114 лиц, что равно 95,8 %. Лица, имевшие ранее судимость, совершили коррупционное преступление при так называемом «сложном соучастии», выступая в качестве пособников. Это говорит о том, что для лиц, совершающих коррупционное деяние в соисполнительстве, а также для организатора, подстрекателя не характерно наличие судимости.

Криминологический анализ соучастников коррупционных преступлений был бы не полон без выяснения отношения привлеченных лиц к уголовной ответственности к предъявленному обвинению и к совершенному деянию. Так, признали себя виновными в совершении коррупционного преступления, совершенного в

соучастии, и раскаялись в совершенном деянии 85 человек, что составило 71,4 %, признали себя виновными частично 13 (10,9 %) лиц и не считали себя виновными в предъявленном обвинении 21 (17,7 %) человек. Анализ архивных уголовных дел показывает, что почти две трети осужденных признали себя виновными и раскаялись в содеянном преступлении. Обращает на себя внимание тот факт, что в отношении данной категории лиц на предварительном следствии в основном избиралась мера пресечения, не связанная с лишением свободы. Что же касается лиц, которые не признали своей вины в совершении инкриминируемого деяния, то в отношении их в основном избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу.

На основании изложенного можно составить примерный общий криминологический портрет лица, совершившего коррупционное преступление в соучастии.

Соучастником коррупционного преступления является преимущественно лицо мужского пола, средний возраст которого составляет 39,5 лет, имеющее высшее или среднее специальное образование, постоянный источник дохода, состоящее в браке, характеризующееся по месту работы и месту жительства в основном положительно, не привлекавшееся ранее к уголовной ответственности (за исключением лиц, относящихся к пособникам) [14].

Сравним полученные нами данные о структуре личности соучастника коррупционного преступления с данными других исследователей, изучавших личность коррупционного преступника (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные данные о структуре личности соучастника коррупционного преступления

Признаки личности коррупционного преступника	Данные о структуре личности коррупционного преступника-соучастника, полученные при изучении архивных уголовных дел в г. Волгограде и г. Волжском	Данные о структуре личности коррупционного преступника, полученные в результате диссертационного исследования Р. Р. Газимзяновым [15, с. 64—68]	Данные о структуре личности коррупционного преступника, полученные в результате опроса осужденных (ст. 204, 290, 291 УК РФ)
--	--	---	---

			Г. С. Гончаренко [16]
Пол	(у всех осужденных) мужчины — 84,9 %; женщины — 15,1 %; (у осужденных по ст.290 УК) мужчины — 82,2 %; женщины — 17,8 %; (у осужденных по ст.291 УК). мужчины — 77,1 %; женщины — 22, 9 %	(у всех осужденных) мужчины — 61,4 %; женщины — 38,6%; (у осужденных по ст.290 УК) мужчины — 78,9 %; женщины — 21,1 %; (у осужденных по ст.291 УК) мужчины — 72,2 %; женщины — 27,8 %	Нет данных
Возраст	(у всех осужденных) более 50 лет — 12,6 %; от 40 до 50 лет — 43,7 %; от 30 до 40 лет — 37,8 %; от 20 до 30 лет — 5,9 %; до 20 лет — 0	(у всех осужденных) более 50 лет — 18,2 %; от 40 до 50 лет — 36,8 %; от 30 до 40 лет — 22,5 %; от 20 до 30 лет — 21,0 %; до 20 лет — 1,4 %	(у всех осужденных) более 50 лет — 6 %; от 40 до 50 лет — 33 %; от 30 до 40 лет — 57 %; от 20 до 30 лет — 4 %; до 20 лет — 0

Продолжение табл. 1

	(у осужденных по ст. 290 УК) более 50 лет — 14,6 %; от 40 до 50 лет — 45,8 %; от 30 до 40 лет — 38,2 %; от 20 до 30 лет — 2,4 %; до 20 лет — 0; (у осужденных по ст. 291 УК) более 50 лет — 12,9 %; от 40 до 50 лет — 36,8 %; от 30 до 40 лет — 26,2 %; от 20 до 30 лет — 24,1 %; до 20 лет — 0	(у осужденных по ст.290 УК) более 50 лет — 16,9 %; от 40 до 50 лет — 42,2 %; от 30 до 40 лет — 31,0 %; от 20 до 30 лет — 9,9 %; до 20 лет — нет данных; (у осужденных по ст. 291 УК) более 50 лет — 14,3 %; от 40 до 50 лет — 38,1 %; от 30 до 40 лет — 23,8 %; от 20 до 30 лет — 23,8 %; до 20 лет — нет данных	(у осужденных по ст. 204, 290, 291 УК нет данных отдельно по каждой из статей)
Образование	(у всех осужденных) высшее — 57,9 %; неполное высшее — 5,9 %; среднее специальное — 29,4 %; среднее общее или начальное проф. — 6,7 %; (у осужденных по ст. 290 УК) высшее — 67,4 %; неполное высшее — 4,8 %; среднее специальное — 24,2 %; среднее общее или начальное проф. — 4,6 %; (у осужденных по ст. 291 УК) высшее — 28,1 %;	(у всех осужденных) высшее — 46,0 %; неполное высшее и среднее специальное — 34,0 %; среднее общее — 18,2 %; незавершенное среднее образование — 1,8 %; (у осужденных по ст. 290 УК) высшее — 64,8 %; неполное высшее и среднее специальное — 28,2 %; среднее общее или начальн. проф — 7 %;	(у всех осужденных) Нет данных (у осужденных по ст. 290 УК) высшее — 82%; среднее специальное образование — 11 %; среднее — 7 %; (у осужденных по ст. 291 УК) высшее — 27 %; среднее специальное образование — 32 %; среднее — 41 %

	неполное высшее — 1,1 %; среднее специальное — 30,3 %; среднее общее или начальное проф. — 40,5 %	(у осужденных по ст. 291 УК) высшее — 23,8 %; неполное высшее и среднее специальное — 14,3 %; среднее общее или начальное проф. — 61,9 %	
Нахождение в браке	(у всех осужденных) состояли в браке — 80,7 %; не имели семьи или ранее расторгли брачные отношения — 14,3 %; вдовы — 5 %; (у осужденных по ст. 290 УК) состояли в браке — 86,2 %; не имели семьи или ранее расторгли брачные отношения — 8,7 %; вдовы — 5,1 %	(у всех осужденных) состояли в браке — 78,2 %; расторгли брачные отношения — 8,5 %; вдовы — 3,5 %; холостые (незамужние) — 9,8 %; (у осужденных по ст. 290 УК) состояли в браке — 94,4 %; вдовы — 2,8 %; расторгли брачные отношения или холостые — 2,8 %	Нет данных

Окончание табл. 1

	(у осужденных по ст. 291 УК) состояли в браке — 74,6 %; не имели семьи или ранее расторгли брачные отношения — 20,8 %; вдовы — 4,6 %	(у осужденных по ст. 291 УК) состояли в браке — 57,2 %; холостые (незамужние) — 23,8 %; вдовы — 9,5 %; разведенные — 9,5 %	
Характеристики	(у всех осужденных) положительные — 76,5 %; отрицательные — 16,8 %; неполные — 6,7 %; (у осужденных по ст. 290 УК) положительные — 87,3 %; отрицательные — 8,5 %; неполные — 4,2 %; (у осужденных по ст. 291 УК) положительные — 82,3 %; отрицательные — 10,1 %; неполные — 7,6 %	(у всех осужденных) положительные — 93,6 %; отрицательные — 6,7 %; неполные — 6,7 %; (у осужденных по ст. 290 УК) положительные — 97,1 %; отрицательные — 2,9 %; неполные — нет данных (у осужденных по ст. 291 УК) положительные — 85,7 %; отрицательные — 14,3 %; неполные — нет данных	(у осужденных по ст. 290 УК) положительные — 97,3 %; отрицательные — 2,7 %; неполные — нет данных (у осужденных по ст. 204, 291 УК нет данных)
Наличие судимости	(у всех осужденных) имели судимость — 4,2 %; не судимы — 95,8 %;	(у всех осужденных) имели судимость — 4,2 %; не судимы — 95,8 %;	(у осужденных по ст. 290 УК) имели судимость — 7 %; не судимы — 93 %;

	<i>(у осужденных по ст. 290 УК)</i> имели судимость — 2,8 %; не судимы — 98,2 %; <i>(у осужденных по ст. 291 УК)</i> имели судимость — 5,8 %; не судимы — 98,2 %	<i>(у осужденных по ст. 290 УК)</i> имели судимость — 5,6 %; не судимы — 94,6 %; <i>(у осужденных по ст. 291 УК)</i> имели судимость — 9,5 %; не судимы — 90,5 %	<i>(у осужденных по ст. 291 УК)</i> имели судимость — 3 %; не судимы — 97 %
Признание вины	признали вину — 71,4 %; признали вину частично — 10,9 %; не признали вину — 17,7 %	Нет данных	Нет данных

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел, в сравнении с данными, полученными другими исследователями, показал следующее.

Во-первых, среди коррупционных преступников соучастников, как в общем, так и лиц, совершивших в соучастии деяния, предусмотренные ст. 290 и 291 УК, мужчин больше, чем женщин, а также значительная часть коррупционных преступлений в соучастии на территории Волгограда и Волжского совершается лицами в возрасте от 40 до 50 лет (43,7 %) (по данным исследования Г. С. Гончаренко из числа лиц, осужденных и отбывающих наказание за коррупционные преступления, 33 % в возрасте от 40 до 50 лет, а 57 % — от 30 до 40 лет).

Установление нами большего количества мужчин, совершающих коррупционные преступления в соучастии, по сравнению с данными других авторов, вероятно, обуславливается не их криминальной активностью, а степенью участия в сфере социального управления. Что же касается возраста, то суды в других регионах страны, возможно, чаще применяют наказание в виде лишения свободы к данной категории лиц, находящихся в возрасте от 30 до 40 лет.

Во-вторых, осужденные судами городов Волгограда и Волжского соучастники коррупционных преступлений имеют больший процент отрицательных характеристик, содержащихся в материалах архивных

уголовных дел, по сравнению с данными, полученными другими учеными в отношении всех лиц, совершивших рассматриваемые деяния.

Отрицательные характеристики давались в основном лицам, не обладающим высоким социальным статусом, относящимся к общим субъектам преступления (пособники и подстрекатели).

Примечания

1. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
2. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968; Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970; Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1972; Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974; Личность преступника / под ред. В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова. М., 1975; Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984; Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность. М., 1989; Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996; Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М., 2000; и др.
3. Криминология: учебник для студентов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Г. А. Аванесов [и др.]; под ред. Г. А. Аванесова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
4. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций. М., 2005.
5. Иншаков С. М. Криминология: практикум. М.: Юриспруденция, 2001.
6. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004.
7. Криминология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. М., 2007.
8. Коршунова Т. М. Особенности личности осужденного коррупционера (по материалам уголовных дел, рассмотренных Нижнекамским городским судом за период с 1997 по 2003 гг.) // Коррупция как социально-правовая проблема современной России: материалы круглого стола 27 апреля 2004 г. / под ред. д. э. н. Р. Ф. Муратова, проф. Н. Х. Сафиуллина. Казань, 2004.
9. Криминология: учеб. пособие / Г. И. Богуш [и др.]; под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М.: ТК Велби, Изд-во, 2007.
10. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций. М., 2005.
11. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
12. Кургузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
13. Речь идет о коррупционных преступлениях, совершенных как при так называемом «сложном соучастии», так и при совершении деяний группой лиц по предварительному сговору и организованной группой.
14. **Данный криминологический портрет коррупционного преступника, совершившего деяние в соучастии, основан только на исследовании материалов архивных уголовных дел.**
15. Газимзянов Р. Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков (криминологическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
16. Гончаренко Г. С. Криминологический анализ личности коррупционного преступника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advpalatato.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e36e149f> (дата обращения: 11.04.2012).